

**Критический анализ тернарной оппозиции
эпос – эпопея – эпический род
в советском и постсоветском литературоведении ***

Т. С. Симян

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Анализируются ключевые понятия «эпос», «эпопея», «эпический род». Данный анализ выявляет неоднозначность восприятия указанных понятий в советских и постсоветских литературоведческих работах. Описание указанной проблемы дается на «центральных» текстах (энциклопедии, литературные энциклопедии, литературоведческие словари, учебники и т. п.) советского литературоведения. По ходу анализа теоретической и учебной литературы выявляются «источники» (немецкая идеалистическая философия, «русские эпигоны») понятийных «шумов» (в семиотическом смысле), которые повлияли и до сих пор отчасти влияют как стереотипы на понимание указанных понятий в постсоветской русскоязычной литературоведческой мысли.

* Статья опубликована в рамках реализации научного проекта «Народно-эпическое творчество армянского и русского народов. Сопоставительное изучение эпосов народов мира», финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2014–2016 гг.

Симян Т. С. Критический анализ тернарной оппозиции эпос – эпопея – эпический род в советском и постсоветском литературоведении // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 102–120.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2016. № 2
© Т. С. Симян, 2016

Путаница (в основном) была в том, что эпопея и эпос воспринимались как совершенно разные понятия. Полисемичными были также понятия «эпос» и «драма» как родовые и жанровые означающие. Не было четкой демаркационной линии между понятиями «литературный род» и «жанр», так как не слишком осознавались и акцентировались в советском литературоведении. «Источником» этой путаницы в советском литературоведении были немецкие философы XIX в. (Шеллинг, Гегель и др.) а также их «русские эпигоны» (Белинский).

Ключевые слова: эпос, эпопея, эпический род, эпика, эпичность, литературные роды, жанры, виды, история методологии гуманитарных наук, история советской и постсоветской литературоведческой науки.

УДК 81.13

Контактная информация: Симян Тигран Сержикович, доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы ЕГУ (ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, 0001, Армения; tsimyan@ysu.am).

Для ясного понимания поставленной задачи сначала рассмотрим некоторые семантические особенности словесного ряда эпопея – эпос – эпический род. Семантический анализ означаемых указанных слов даст нам возможность внести терминологические коррективы, что, в свою очередь, прольет свет на поставленную проблему.

Для начала выявим, есть ли разница в плане означаемого между словами *эпопея* и *эпос*. В современном немецком словаре «Duden» в словарной статье «Эпопея» (Epopöe, die – Epopöe – досл. творю слово) читаем, что слово это женского рода, устаревшее, используется не часто. Нет описания означаемого, и дается ссылка на слово «Eros»¹, а это, в свою очередь, означает, что слова «Epopöe» и «Eros» – синонимы.

Слово «Eros» (греч. Eros – слово, повествование) в немецком языке происходит от латинского и означает «слово, рассказ» (Rede, Erzählung). Этот термин литературоведческий, означает «большое по объему повествовательное эпическое произведение в единой стихотворной форме» («erzählende Versdichtung größeren Umfangs in gleichmäßiger Versform»). К данному определению приводятся примеры: эпосы Гомера, придворный эпос средневековья и др.² Приведенные факты показывают, что в немецком литературоведческом дискурсе слово *эпос* используется чаще *эпопеи* и функционирует в нормативном языковом регистре.

А теперь рассмотрим, как описываются означаемые эпоса и эпопеи в русских толковых словарях. В «Толковом словаре» Даля они заявлены

¹ URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Epopoe> (дата обращения 26.02.2016).

² URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Epos> (дата обращения 26.02.2016).

как, синонимы: «ЭПОС м. ж. греч. Поэма степенного важного содержания. *Эпическое стихотворение*, героическое или вообще повествовательное, сказательное, пртвпл. *драматическое* и *лирическое*. *Эпик*, эпический поэт» [Даль, 1980, с. 665]. Эпос и эпопея описываются как синонимы и в словаре Д. Н. Ушакова: «Большая эпическая поэма, в которой изображаются крупные исторические события (лит.). Эпопеи Гомера» [Ушаков, 1940]. Фактически получается, что в немецких и русских словарях семантических различий нет.

Совсем иная картина складывается в русскоязычных литературоведческих словарях. Как нам кажется, путаница возникает тогда, когда *эпос* используют в широком смысле слова. В «Словаре иностранных слов» читаем: «ЭПОС – повествовательная литература, один из трех основных родов художественной литературы (наряду с лирикой и драмой); основные прозаические жанры эпоса: роман, повесть, рассказ» [Словарь иностранных слов, 1983, с. 590]. Это не единственный пример – подобное описание можно увидеть и в «Советском энциклопедическом словаре», где *второй* смысл слова «эпос» представляется как «род литературный (наряду с лирикой и драмой)» [Советский энциклопедический словарь, 1989, с. 1576]³. Как известно, в научном дискурсе не принято использовать многозначные термины, или, по крайней мере, надо по возможности избегать такого семантического «шума». Нам кажется, что источником для таких словарей, как «Словарь иностранных слов», «Советский энциклопедический словарь» и др., служат «центральные» учебные пособия по теории литературы. Например, во «Введении в литературоведение» Г. Н. Поспелова и Е. Г. Рудцева можно прочесть: «В литературе существуют три основных рода – эпос, лирика, драма» [Введение в литературоведение, 1988, с. 25].

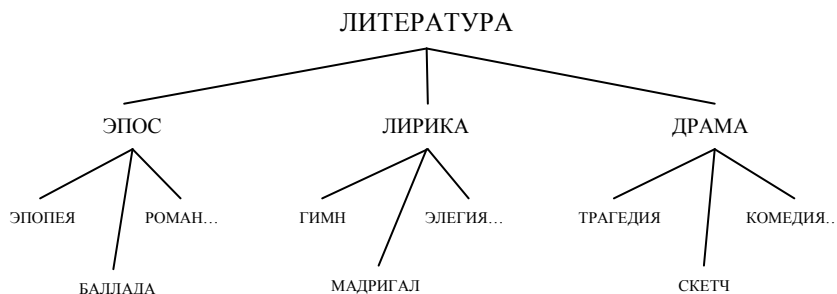
Отметим также, что в статье В. Асмуса «Эпос» (1933) означаемое понятия «эпос» описывается совершенно иначе: в «узком смысле эпос – родовое название, обнимающее всю совокупность исторически существовавших видов крупных поэм – героических, дидактических, национально-исторических, романтических и т. д.» [Асмус, 1968, с. 37.]. Такого понимания термина «эпос» не встречается ни в одном языковом или литературоведческом словаре. В «широком смысле, – продолжает В. Асмус, – в область эпоса входят, во-первых, внелитературные, передающиеся устно мифические предания, сказания (саги), сказки, во-вторых, героические песни, своды этих песен (эпопеи), своды сказок (типа “1001 ночи”), басни и, в-третьих, явившиеся продуктом индивидуального творчества поэмы (“индивидуальные эпопеи”, лиро-поэмы), новеллы, повести, рассказы, романы» [Асмус, 1968, с. 36]. Получается, что в понятие *эпос* «в широком

³ Также представляет первый смысл понятия *эпос* В. Е. Хализев [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 513].

смысле» входят все *повествовательные* (нарративные) тексты – «мифические предания, сказания (саги), сказки, “индивидуальные эпопеи”, лиро-эпические поэмы, новеллы, повести, рассказы, романы. Восприятие эпоса как родового означающего превалирует в литературоведческих словарях, учебниках не только советского периода, но и постсоветского. Явственно, что почти все тексты, кроме лиро-эпических поэм, можно собрать под родовое понятие “эпический”» [Давыдова, Пронин, 2003, с. 50–54, 113–119].

Мы предлагаем для обозначения литературного рода прилагательное *эпический* (нем. *Epiк*), замещающее существительное *эпос*. В таком случае, литературные роды будут обозначаться прилагательными: *эпический*, *лирический* и *драматический* роды⁴, которые выступают в качестве гиперонимов (*Oberbegriff*), а соответственно жанры выступают уже как гипонимы (*Unterbegriff*). Таким образом, акцентируется соотношение *родового* и *жанрового*.

Правомерность нашего высказывания проиллюстрируем на примере учебного пособия. В учебнике «Введение в литературоведение: теория литературы» известного теоретика литературы С. Зенкина можно увидеть следующую схему [2000, с. 29]:

⁴ В нашей статье мы не будем касаться проблемы тернарной демаркации литературных родов. Это тема для отдельной статьи. Но сразу же оговоримся, что в русскоязычной литературе использовались роды с прилагательными и в советское и в постсоветское время. См., например, [Пропп, 1976, с. 50; Теория литературы, 2004, с. 72]. Заметим, однако, что С. Н. Бройтман использует и «классический», и «неклассический» варианты: «...род – это тип литературного произведения. Исторически сложилось три типа, составляющих в своей совокупности некое органическое единство: *эпический*, *драматический*, *лирический*» [Теория литературы, 2004, с. 84–99].

Если продолжить этот ряд и после эпопеи, баллады и романа добавить еще и эпос, то на разных уровнях будем иметь синонимию? Может ли студент бакалавриата разобраться в такой терминологической мешанине? ⁵

Отказываясь от существительных (эпос, лирика, драма) для обозначения литературных родов, мы избегаем еще одной проблемы. Понятие «драма» как обозначающее литературный род можно спутать с понятием «драма» как жанр драматического рода (Trauerspiel), эта путаница возникла в XVIII в. (например, драмы Лессинга, Шиллера, Гете) ⁶. «Драматический род» и «драма» (как индекс жанра) уже невозможно перепутать. Еще одна проблема возникает, когда вместо понятия эпического рода используется термин «литературный эпос»: «В классификации родовых форм, – пишет Л. В. Чернец, – в литературном эпосе очень важны различия в объеме текстов произведений. Наряду с малой (рассказ) и средней (повесть) прозаическими формами выделяют большую эпическую форму, которую часто называют романом» [Введение в литературоведение, 2004, с. 403]. В данном пассаже мы считаем важными такие понятия, как «родовая форма» и «литературной эпос». Говоря о «родовой форме», Л. В. Чернец, со ссылкой на книгу Г. Н. Поспелова «Вопросы методологии и поэтики», отмечает, что внутри родов различаются виды – устойчивые формальные, композиционно-стилистические структуры, которые целесообразно называть родовыми формами», они «дифференцируются в зависимости от организации речи в произведении» и «от объема текстов» [Там же, с. 400–401]. По сути, «родовая форма» совпадает с понятием «жанра», а «литературный эпос» – с эпическим родом («В литературном эпосе романтическая проблематика объединяет целую группу жанров, ведущим из которых является роман – значительный по масштабам сюжета, преимущественно прозаический жанр») [Там же, с. 407].

Такое понятийное «многоголосие», как нам кажется, мешало развитию *операционального* метаязыка в советскую эпоху, который мог бы быть направлен на конкретный анализ художественного текста.

Самой плодотворной литературной родо-жанрово-видовой классификацией мы считаем следующую градацию: *литературные роды* (эпический, драматический лирический) – *жанры* (эпос, басня, рассказ, новелла, роман) – *виды* (например, рыцарский, плутовской, сатирический, исторический роман и т. д.). Большая путаница возникает в литературоведческой

⁵ Интересно, что в «центральном» учебнике по теории литературы, будучи еще кандидатом наук, теоретик литературы Эдвард Джрбашян эксплицитно указывает, что «термин “эпос” используется в узком, жанровом смысле, в противопоставлении широкого понимания как один из родов литературы» [Джрбашян, 1961, с. 370], но, к сожалению, и этот учебник не выпадает из дискурса советского литературоведения.

⁶ См. подробнее статью Н. И. Ищук-Фадеева «Драма (жанр)» [Поэтика..., 2008, с. 62–64].

литературе, когда *виду* приписывают статус *жанра*. Например, исторический роман (видовой индекс) некоторые исследователи считают отдельным жанром романа. Обоснованность нашего замечания проиллюстрируем на двух примерах.

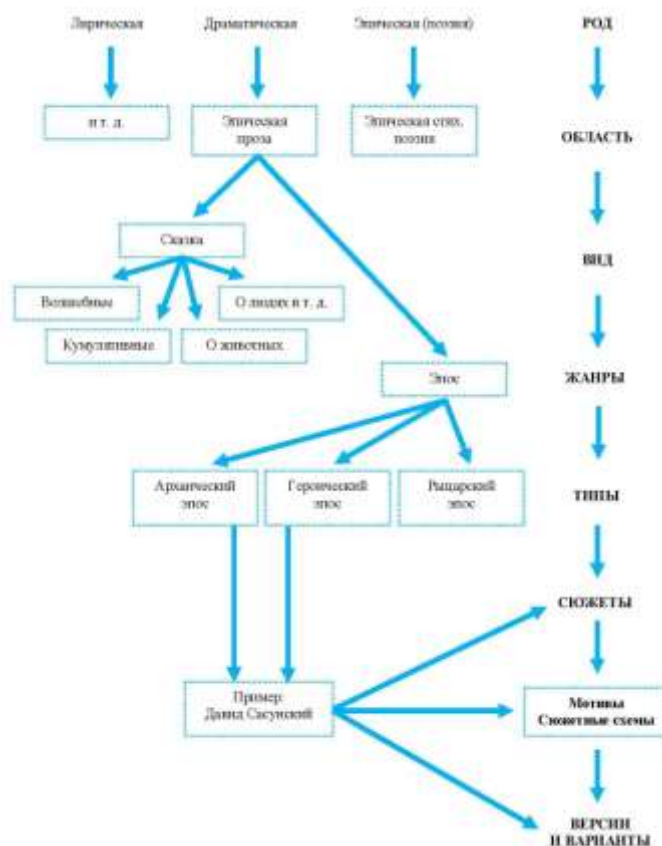
1. Писатель, телеведущий Андрей Максимов, говоря о романе Юрия Арабова, пишет: «Юрий Арабов написал хороший роман. Называется “Столкновение с бабочкой”. Имеет подзаголовок: “Роман о том, чего никогда не было в России”. Юрий Арабов написал роман, жанр которого трудно определить. С одной стороны, он – исторический. С другой – вполне себе фантастический. Хотя, с моей точки зрения, у литературных романов есть, в сущности, только два жанра: скучный и нескучный» [Максимов, 2015, с. 7]. Подчеркнем, что уважаемый телеведущий пытался определить не *жанр*, а *вид* (исторический, фантастический и т. д.). Что касается перефразировки крылатой фразы Вольтера «Все жанры хороши, кроме скучного», то, как нам кажется, следовало многоуважаемому писателю слово «жанр» взять в кавычки («в сущности, только два жанра: скучный и нескучный»), чтобы не было разночтений. Неискушенный читатель может подумать, что литературные жанры действительно могут быть скучные и нескучные.

2. Проанализируем названия статей учебника «Теория литературы: роды и жанры литературы», изданного ИМЛИ [Теория литературы..., 1964, с. 486]. В содержании книги под рубрикой «Роды и жанры» собраны статьи передовых филологов-ученых, таких как В. В. Кожин («К проблеме литературных родов и жанров»), Е. М. Мелетинский («Народный эпос»), В. В. Кожин («Роман – эпос нового времени»), В. Д. Сквозников («Лирика»), М. С. Кургинян («Драма»), Ю. Б. Борев («Сатира»). Уже сами названия статей («Народный эпос», «Лирика», «Драма») говорят, что превалирует устаревший подход, и не подчеркивается родовое и жанровое соотношение. Название статьи Е. М. Мелетинского «Народный эпос» вовсе не означает, что будут анализироваться народные эпосы (Volksepik). На самом деле, объектом исследования Е. М. Мелетинского стали *фольклорные эпические жанры*, такие как архаический эпос, волшебная сказка, героический эпос. Возникает вопрос: а в какое семантическое поле попадает статья В. Б. Борева «Сатира»? «Сатира» – это род литературы или жанр? Получается, что ни то и ни другое. На данном этапе литературоведения сатира описывается как модус литературы⁷, как отношение автора к изображаемому объекту. Сатира может проявиться во всех литературных родах. В таком случае действительно содержательная и интересная статья В. Б. Борева может функционировать как некое «дополнение» ко всем ос-

⁷ См. статью В. И. Тюпы «Модусы художественности» [Введение в литературоведение, 2004, с. 52–53].

тальным статьям, а не как «равноправная» и «легитимная» статья в заявленном семантическом поле литературных родов и жанров.

Очень интересную текстовую классификацию предлагает Вл. Пропп на материале фольклора: «Лирическая, драматическая, эпическая поэзия – это роды народного творчества. Роды можно делить на области. Так, эпика делится на область эпической прозы и эпической стихотворной поэзии. Области делятся на виды. Сказка относится к области народной прозы, это один из видов ее. Этот вид распадается на сказки волшебные, кумулятивные, о животных, о людях и т. д. Это жанры. В качестве дальнейшего, более узкого термина можно предложить слово “тип”; типы распадаются на сюжеты, сюжеты – на версии и варианты. Так, например, сказка “Морозко” относится к роду эпической поэзии, области народной прозы, виду сказок, жанру волшебных сказок, типу сказок о гонимой падчерице. Так можно создать точную терминологию» [Пропп, 1976, с. 50]. Сказанное с некоторыми дополнениями представим в виде схемы:

Заметим, что предложенная классификация вполне приемлема для сказок, но она не универсальна. Эмпирический материал эпоса «заставляет» ввести некоторые коррективы. Если эпос как жанр помещаем на уровне жанра, что вполне legitimately и правильно, то соответственно на уровне типов помещаем архаические, героические, рыцарские и т. д.⁸ Следующий уровень сюжетов уже дает возможность для анализа текстовых корпусов. В современном литературоведении под понятием «сюжет» Н. Д. Тмарченко понимает «художественно целенаправленный ряд *событий, ситуаций и коллизий* (поступков, положений, в том числе конфликтных, и состояний героя) *в мире персонажей*» [Поэтика..., 2008, с. 258]⁹. При анализе эпоса можно выявить еще один уровень «сюжетной схемы». Сюжетная схема – «исторически устойчивая структурная модель, – пишет Н. Д. Тмарченко в статье «Сюжетная схема», – инвариантный “каркас” определенного множества реальных сюжетов; комплекс взаимосвязанных мотивов, последовательность которых всегда одинакова, а семантика закреплена традицией» [Поэтика..., 2008, с. 258]. Если интерполировать сказанное применительно к армянскому эпосу, то при анализе вариантов текста следует анализировать сюжет, сюжетные схемы, мотивы не только на *семантическом*, но и на *синтагматическом* уровне.

В основном исследователи изучают семантические особенности мотива с помощью сравнительного подхода, не учитывая синтагматический аспект, что приводит иногда к искаженным выводам, так как, например, мотив сражения отца и сына в разных синтагмах (версии и варианты) может иметь разные семантические оттенки и смыслы. Для иллюстрации сказанного приведем аналогию. Светофор – простая семиотическая система, в которой можно просмотреть все измерения знака: семантический, синтагматический и прагматический. Каждый из сегментов (цветов) приобретает свою смысловую целостность благодаря последующим и предшествующим или одновременно последующим и предшествующим соотношениям между цветами. Смысл желтого цвета образуется в синтагме красного и зеленого. Точно так, мотивы и мотивные схемы эпоса должны изучаться с учетом *вариантов* на семантическом и синтагматическом уровнях.

Теперь рассмотрим, синонимичны ли понятия *эпопея* и *эпос* в русскоязычных литературоведческих энциклопедиях и словарях, изданных в советское время. В статье «Эпопея» Г. Н. Пospelов пишет: «Эпопея – монументальное по форме эпическое произведение общенародной проблемати-

⁸ См.: [Мелетинский, 1968; 2004; Мифы народов мира, 1992]. Приведенные типы эпосов еще требуют отдельного критического анализа вторичных (литературоведческих, фольклороведческих) текстов.

⁹ Следует упомянуть статьи Айка Амбарцумяна, в которых описаны общие принципы создания мотивного указателя армянского эпоса и его типологические группы: [Амбарцумян, 2012; 2013].

ки. На ранних стадиях развития словесности – преобладающая *разновидность* героического эпоса» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 513]. Если эпопея – разновидность героического эпоса, то возникает вопрос: чем отличается эпопея от эпоса?

Известный литературовед объясняет разницу между этими двумя понятиями следующим образом: эпопея «...изображала наиболее существенные (по Гегелю – “субстанциональные”) события и коллизии или мифологически осознанные народной фантазией столкновения племен и народов» [Там же]. Эта формулировка вполне подходит и для народного эпоса. Для обоснования нашего суждения продолжим цитату: «Древние и средневековые эпопеи – большие стихотворные произведения – возникали посредством либо объединения коротких эпических сказаний, либо развития (разрастания) центрального события. Позднее народной эпопее подражали некоторые поэты в своем индивидуальном творчестве (“Энеида” Вергилия, “Генриада” Вольтера)» [Там же]. Исходя из последнего предложения, можно сделать вывод, что эпопея уже используется как синоним эпосу («народная эпопея»), которая, в свою очередь, противопоставляется авторской эпопее или эпосу. Подобную терминологическую непоследовательность можно проиллюстрировать и на примере другой статьи именитого ученого. В своей более пространной статье («Эпопея»), изданной в «Краткой литературной энциклопедии», Г. Н. Поспелов приводит классические образцы таких эпопей, как «Илиада», «Одиссея», «Махабхарата», «Рамаана», «Песнь о Роланде». Приведенные примеры говорят сами за себя. На наш взгляд, нужно просто оговорить, что эпос и эпопея – синонимы. Даже в предметном указателе к «Поэтике» Аристотеля М. Л. Гаспаров эпос и эпопею представил синонимами [Аристотель, 1984, с. 829].

Из-за одной маленькой детали в статье известного литературоведа возникает другая путаница. Оказывается, что кроме стихотворных эпопей (имплицитно) есть еще «прозаические эпопеи» («Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, «Мертвые души» Гоголя, «Остров пингвинов» А. Франса), которые возникли «в “нравописательной” эпической литературе, раскрывающей не героическое становление национального общества, а его комическое состояние» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 513]. Приведенные примеры еще раз подчеркивают, что «прозаические эпопеи» – это романы, только с широким спектром описания социально-политической структуры эпохи.

В литературоведческих словарях, исходя из объема и тематики, большие романы условно называют «романами-эпопеями», в которых «становление характеров главных героев подчиняют событиям национального, исторического масштаба» [Там же]. В качестве примеров «романов-эпопей» Г. Н. Поспелов приводит романы Л. Толстого «Война и мир», М. А. Шолохова «Тихий Дон», а В. Е. Хализев добавляет «Сагу о Форсайтах» Дж. Голсуорси, «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса [Введение в литера-

туроведение, 2004, с. 143]. Более того, одним из подвидов «романа-эпопеи» Г. Н. Пospelов считает «героико-романические» эпопеи, «в которых становление характеров главных героев происходит в процессе их сознательного и активного участия в исторических и революционных событиях». В качестве примеров «героико-романической» эпопеи ученый приводит романы «Петр I» Алексея Толстого и «Коммунисты» Луи Арагона [Там же].

В статье «Эпопея» (1975 г.) Г. Н. Пospelов приводит еще несколько примеров «романов-эпопей»: «Артем Гармаш» А. Головки (Украина), «Истоки» Я. Крадохвила (Чехия)¹⁰. Интересно также, что в этой статье автор использует понятие «героико-романическая» эпопея без кавычек, а в статье 1987 г. – с кавычками¹¹. Дело в том, что своей в последней статье Г. Н. Пospelов уже воспринимает эпопею условно. Эта идея, фигурирующая как «мнение ряда исследователей», была ему известна еще в статье 1975 г., где в конце статьи автор эксплицитно пишет: «По мнению ряда исследователей, термин “Эпопея” за пределами героического эпоса (и т. н. “псевдогероического” – вплоть до “Генриады” Вольтера и “Россияды” М. М. Хераскова) можно употреблять только *метафорически*» (выделено Г. Н. Пospelовым. – Т. С.) [Краткая литературная энциклопедия, 1975, с. 926]. Мы также разделяем точку зрения вышеуказанных авторов, но считаем, что термин «эпопея» все же лучше использовать как синоним эпоса, в качестве указателя жанра, а не литературного рода. Таким образом, хотя Г. Н. Пospelов и был знаком с научным дискурсом зарубежного литературоведения, тем не менее в статье 1975 г. по поводу термина «роман-эпопея» он пишет, что «в зарубежной науке такой смысл термина “эпопея” не принят» [Там же].

Если понятия «эпопея» и «эпос» воспринимаются как синонимы, тогда снимается с дискурса понятие «роман-эпопея» (и как вид эпопеи). Интересно, что в «Литературоведческом словаре» Эдварда Джрбашяна и Генриха Махчаняна указывается, что «в наше время смысл термина “эпопея” ощутимо изменился... под “эпопеей” больше всего понимают романы, которые всеохватывающе и всесторонне отображают жизнь народа... главнейшие события эпохи». Кроме того, такие романы конструируются с помощью «многочисленных образов», которые находятся в «сложных

¹⁰ В свою очередь, в армянском «Литературоведческом словаре» Эдварда Джрбашяна и Генриха Махчаняна приводятся романы В. Гюго «Отверженные», Дереника Демирчяна «Вардананак» как романы-эпопеи. Если отказаться от этого названия, то на самом деле эти романы исторические [Джрбашян, Махчанян, 1972, с. 116].

¹¹ Следует указать, что в этой статье есть опечатка. Вместо «героико-романической» (1975 г.) написано «героико-романтическая» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 513]. Если не опечатка, то возникает еще одна терминологическая проблема.

отношениях» [Джрбашяна, Махчян, 1972, с. 116–117]. Уже сам факт наличия словарной статьи «Эпопея» и описания «романа-эпопеи» показывает, что в советское время армянская литературоведческая мысль и мета-язык развивались под «эгидой» русскоязычной теоретической литературы. Проиллюстрируем сказанное на примере учебника Л. И. Тимофеева «Основы теории литературы» – одного из «центральных»¹² учебников советского литературоведения: «Термин “эпопея” употребляется в наше время и в ином смысле (не только по аналогии с античной эпопеей («Илиада», «Одиссея». – Т. С.)). Им обозначают роман, имеющий наиболее сложное и развернутое построение, охватывающий особенно богатый жизненный материал. <...> Эпопеей называют иногда произведения, которые ставят себе задачей показать не столько отдельного человека, сколько то или иное массовое народное движение» [Тимофеев, 1963, с. 336–337].

Интересен также пример справочника по поэтике, в котором есть статья под названием «Эпопея», но не «Эпос». Автор этой статьи Н. Д. Тamarченко, зная о точке зрения западного литературоведения, даже приводя цитату из статьи Г. Фон Вильперта о том, что термин «эпопея» устарел для «обозначения эпоса, в узком смысле эпоса о богах и героях» [Поэтика..., 2008, с. 311], тем не менее в своем справочнике по поэтике озаглавил свою статью «Эпопея». Нам кажется, что такое предпочтение старого термина объясняется тем, что Н. Д. Тamarченко, во избежание понятийного «шума» – эпос как обозначение литературного рода и отдельного жанра – все же отдает предпочтение эпопее, которая в русскоязычном литературоведении никогда не обозначала литературный род. А в статье «Эпика» Н. Д. Тamarченко эксплицитно пишет о двойственности обозначения термина *эпос* «в русской культурной традиции» [Там же, с. 307], но до конца не отказывается от самой «русской культурной традиции». Автор оказался непоследовательным в выборе терминов. Если для названия статьи «Эпика» он предпочел термин «западноевропейской традиции» [Там же], то для обозначения драматического рода и жанра пришлось использовать скобки: «Драма (жанр)», «Драма (род)», а для лирического рода «Лирика» [Там же, с. 62–66, 109–111] – принятый термин в советском литературоведении.

Можно задаться вопросом: почему в советском литературоведении термины не использовались по возможности однозначно? Нам кажется, что на этот вопрос косвенно ответил В. Е. Хализев: «Благодаря В. Г. Белинскому как автору статьи “Разделение поэзии на роды и виды” (1841) гегелевская концепция и соответствующая ей терминология укоренилась в отечественном литературоведении» [Хализев, 2005, с. 309]. Сказанное авторитетным ученым можно доказать следующим примером: суждение

¹² «Центральный» так как этот учебник прошел все верхние инстанции: «Допущено Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР в качестве учебного пособия для филологических факультетов университетов и педагогических институтов» [Тимофеев, 1963, с. 1].

В. Г. Белинского «эпопея нашего времени есть роман» [1954, с. 39] – почти перефразированное название статьи В. В. Кожина «Роман – эпос нового времени» [Теория литературы..., 1964, с. 97–172], а источником этой мысли является Гегель, считавший роман «современной буржуазной эпопеей» [1971, с. 474]. Если бы слово «эпопея» было взято в кавычки, то у нас не было бы возражений.

Нам кажется, что вся путаница понятий (эпопея vs эпос, эпос как родовое обозначение литературного рода и пр.) восходит к Белинскому, который, в свою очередь, находился под влиянием немецких философов XIX в. Еще один аргумент в пользу нашего высказывания: роль Белинского в понятийном «шуме» советского литературоведения заключается в том, что русский критик термин «эпопею» использует для индикации архаического эпоса («Илиада», «Одиссея»), а «эпос» – для средневековых (например, «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах» и т. д.): «Эпос, – пишет В. Г. Белинский, – есть первый зрелый плод в сфере поэзии только что пробудившегося сознания народа. Эпопея может явиться только во времена младенчества народа, когда его жизнь еще не распалась на две противоположные стороны – поэзию и прозу, когда его история есть еще только предание, когда его понятия о мире суть еще религиозные представления, когда его сила, мощь и свежая деятельность проявляется только в героических подвигах» [Белинский, 1954, с. 33]. Вполне уместно вспомнить точку зрения признанного ученого В. Е. Хализева, еще в 1988 г. писавшего: «Многие из высказанных Белинским мыслей унаследованы советским литературоведением, для которого особенно важен акцент на содержательные функции родовых форм» [Введение в литературоведение, 1988, с. 86].

Импорт метаязыка немецкой идеалистической философии и эстетики (Шеллинг, Гегель, Жан-Поль) «отлучил» русскую филологическую мысль от перспективы эмпирических исследований. В России лишь в 1880-х гг. благодаря позитивисту А. Н. Веселовскому («Историческая поэтика») и чуть позднее, в 1910–1920-х гг. благодаря русским формалистам российская филологическая наука вернулась к эмпирическим исследованиям. Но следует указать, ссылаясь на текст В. Жирмунского, что «тема исторической поэтики впервые намечается у Веселовского уже вскоре после окончания университета, в годы его первой заграничной командировки 1862–1863 гг. Она возникает в процессе полемики против априорной, догматической, антиисторической концепции “высокого и прекрасного” в эстетике западноевропейских и *русских эпигонов* немецкого классического идеализма. <...> Априорным эстетическим теориям Веселовский противопоставляет свой идеал “индуктивной поэтики”, которая устранила бы ее умозрительное построение» и сделала возможным «выяснение сущности поэзии из ее истории. <...> Его отрицательная оценка немецкой идеалистической эстетики, воспитанная теоретическими спорами конца 50-х го-

дов, направлена против “теории красоты, как исключительной задачи искусства”, против “одностороннего обобщения фактов греческого литературного развития” (в эстетике Гегеля)»¹³. Нам кажется, что фраза «русские эпигоны» относится, прежде всего, к В. Г. Белинскому. В. Жирмунский в своем предисловии «Историческая поэтика А. Н. Веселовского» политкорректен, так как эксплицитная критика, да еще авторитетнейшего русского критика в 1940-х была бы просто неприемлема. Благодаря идеям Фейербаха и позитивистов (Спенсер, Шерер) А. Н. Веселовский раскритиковал идеи немецкой идеалистической философии и ее «русских эпигонов» XIX в. (например, Добролюбов) [Веселовский, 1940, с. 5, 19]¹⁴.

В связи с исследовательскими методами Веселовского нам бы хотелось сослаться на меткое замечание О. М. Фрейденберг: «Значение Веселовского, конечно, огромно. Мы уже знаем, что он “механистичен”, что его теория – типологическое детище “культурно-исторической школы”; что в теории заимствования он шел за Бенфеем, в теории синкретизма совпал со Спенсером и Шерером, такими, как и он, позитивистами и “постепеновцами”. Многое можно раскопать у Веселовского и во многом его обвинить: его историзм еще пропитан плоским эволюционным позитивизмом, его “формы” и “содержания”, два антагонизирующих начала, монолитно-противоположны друг другу, его сравнительный метод безнадежно статичен, несмотря на то, что сюжеты и образы у него “бродят” <...>. С именем Веселовского связана первая систематическая блокада старой эстетики. Используя данные английской школы антропологии и все вспомогательные средства к построению исторической поэтики, Веселовский сделал то, что поднимает его теорию на исключительную высоту, несмотря на отдельные промахи и недостатки: он показал, что поэтические категории суть исторические категории, и в этом его основная заслуга» [Фрейденберг, 1997, с. 20].

А теперь попытаемся показать спекулятивность высказываний немецких философов. Проиллюстрируем это *только* на примере «Философии искусства» Шеллинга: «Отличительное свойство эпоса... в *тождестве абсолютности*. Если в эпосе нет противоположности бесконечного и конечного, то в нем и не может быть изображения борьбы между свободой и необходимостью... Эпос изображает действие в тождестве свободы

¹³ См. также переработанную статью В. Жирмунского [1979, с. 84].

¹⁴ А. Н. Веселовский в работе «Из отчетов о заграничной командировке», говоря о статусе истории литературы, пишет: «...история литературы может и должна существовать в этом смысле, заменяя собою те гнилые теории прекрасного и высокого, какими нас занимали до сих пор» [1940, с. 396]. В. Жирмунский считает, что эти слова функционируют в контексте полемики «против реакционной эстетики эпигонов немецкого философского идеализма, априорной и догматически оторванной от общественной действительности» [1979, с. 108]. По сути, А. Н. Веселовский критикует и самих немецких идеалистических философов.

и необходимости без противоположности бесконечного и конечного, без борьбы и именно поэтому без судьбы» [Шеллинг, 1966, с. 351–352]. Из цитаты можно вывести псевдооппозиции (бесконечное vs конечное, борьба между свободой и необходимостью), которые не выявлены на конкретном эмпирическом материале. Сам Шеллинг исходил из ложной предпосылки *«тождества абсолютности»*, в которой нет историчности динамики, развития, времени, соответственно, упомянутые оппозиции «пустые»: «...конструирование есть, вообще говоря, снятие противоположностей, а противоположности, которые в отношении искусства возникают в связи с его зависимостью от времени, как само время, должны быть несущественными и чисто формальными, то научное конструирование будет заключаться в выявлении общего единства, из которого они проистекли, и как раз поэтому возвысится над ними до более всеобъемлющей точки зрения» [Шеллинг, 1966, с. 54]. Описание «сущности» эпоса, исходя из этой «всеобъемлющей точки зрения», приводит к неконструктивному анализу и непониманию эпосов (и искусства). Другими словами, такой метод анализа есть пустое «конструирование» ложными оппозициями, не основанными на эмпирическом материале.

Приведем еще один пример описания «особенности» эпоса: «...эпос, – пишет Шеллинг, – оказывается изображением вневременности действия в его по-себе-бытии: то, что само находится вне времени, обнимает все временное в себе, и, наоборот, именно поэтому оно безразлично ко времени. *Эта неразличимость в отношении времени есть основная особенность эпоса*» (выделено Шеллингом. – Т. С.) [Там же, с. 356]. Эпос отчасти есть продукт мифологического мышления, циклического восприятия времени. «Вневременные действия» (мифологическое) моделируются не самим жанром, эпосом, а мышлением. Следовательно, мифологическое мышление генерирует специфику, особенность эпоса. «Здесь» и «сейчас» неважно для мифологического мышления, оно моделирует уже готовые структуры, матрицы, а реципиент, в всю очередь, может использовать готовые знания для решения своих проблем. Получается, что нарративные «артефакты» (мифы, легенды, истории, литература и т. д.), культуры функционируют как когнитивные, антистрессовые механизмы. Вполне обоснованным считаем в данном контексте вспомнить замечание современника философа Гете: «Немцам, – сказал он, – изрядно мешает спекулятивная философия. Она делает их стиль отвлеченным, нереальным, расплывчатым и неопределенным. Чем теснее их связь с той или иной философской школой – тем хуже они пишут» [Эккерман, 1981, с. 121–122].

О спекулятивных идеях Шеллинга говорит и В. Асмус в статье «Эпос» (1933): «... - льшим, нежели простая теория искусства: в ней на арене эстетики воспроизводятся онтологические конфликты и антиномии – противоречие свободы и необходи-

мости, конечности и бесконечности, части и целого и т. д. По Шеллингу, научный или идеальный порядок изучения поэтических родов не совпадают с эмпирическим порядком их исторической последовательности» [Асмус, 1968, с. 44].

Таким образом, можно сказать, что в советском литературоведении *эпопея* и *эпос* в основном воспринимались как совершенно разные понятия. Путаница была также с понятиями эпоса и драмы как родовых и жанровых означающих. Из сказанного можно заключить, что демаркационная линия между понятиями «литературный род» и «жанр» не слишком осознавалась и акцентировалась. «Источником» этой путаницы в советском литературоведении были немецкие философы XIX в. (Шеллинг, Гегель и др.) а также их «русские эпигоны» (Белинский). Смена подходов происходит благодаря позитивисту А. Н. Веселовскому и русским формалистам. Иначе говоря, совершается переход от спекулятивной эстетики к исторической поэтике, а после 1920-х гг. – от формалистов к идеологизированному, квазимарксистскому литературоведению, которое развивалось уже как альтернатива западному литературоведению, в оппозиции советское vs «буржуазное литературоведение».

Список литературы

Амбарцумян А. Принципы и особенности создания мотивного указателя армянского эпоса «Давид Сасунский» // Армянский эпос и всемирное эпическое наследие. Ереван: Наука, 2012. С. 206–215.

Амбарцумян А. Типологические группы армянского эпоса «Давид Сасунский»: опыт систематизации // Эпос народов Европы и Азии. От сюжетного указателя к тексту: методология и практика систематизации фольклорного наследия: Материалы междунар. конф. / ИМЛИ РАН. М., 2013.

Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.

Асмус В. Вопросы теории и истории эстетики: Сб. ст. М.: Искусство, 1968.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5.

Введение в литературоведение / Под ред. Г. Н. Поспелова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1988.

Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Под. ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк., 2004.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940.

Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. М.: Наука, 1971. Т. 3.

Давыдова Т. Т., Пронин В. А. Теория литературы: Учеб. пособие. М.: Логос, 2003.

- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1980.
- Джрбабян Э., Махчанян Г.* Литературоведческий словарь. Ереван: Луйс, 1972. (на арм. яз.)
- Джрбабян Э.* Теория литературы (пособие для студентов высших учебных заведений и учителей литературы). Ереван: Армучпедгиз, 1961. (на арм. яз.)
- Жирмунский В.* Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л.: Наука, 1979.
- Зенкин С.* Введение в литературоведение: теория литературы. М., 2000.
- Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8.
- Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987.
- Максимов А.* Необыкновенная история // Рос. газета. 2015. 2 нояб. № 247 (6818). URL: <http://www.rg.ru/2015/11/02/arabov.html> (дата обращения 20.02.2016).
- Мелетинский Е. М.* «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968.
- Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. 2 изд., испр. М.: Вост. лит., 2004.
- Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2.
- Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008.
- Пропп В. Я.* Фольклор и действительность: Избр. ст. М.: Наука, 1976.
- Словарь иностранных слов. 10-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1983.
- Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1989.
- Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Academia, 2004. Т. 2.
- Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М.: Наука, 1964.
- Тимофеев Л. И.* Основы теории литературы. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1963.
- Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 1940. Т. 4. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-85870.htm> (дата обращения 26.02.2016).
- Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.
- Хализев В. Е.* Теория литературы: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2005.
- Шеллинг Ф.* Философия искусства. М.: Мысль, 1966.
- Эккерман И. П.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман. М.: Худож. лит., 1981.

Article metadata

Title: Critical analysis of the ternary opposition epos-epopee-epic class in the Soviet and post-Soviet literary criticism

Author: T. S. Simyan

Author's e-mail: tsimyan@ysu.am

Author affiliation: Yerevan State University, Faculty of foreign Literature

Abstract. The article is an attempt to analyze the key concepts of «epic», «epopee» and «epic class». The presented analysis reveals the ambiguity of perception of these concepts in the Soviet and post-Soviet literary works. Description of this this problem is given in the «central» texts (encyclopedia, literary encyclopedia, literary dictionaries, textbooks, and so on) of Soviet literary criticism. In the course of the analysis of the theoretical and educational literature, the «sources» (German idealist philosophy, «Russian imitators») of conceptual «noise» (in the semiotic sense) are identified that have influenced and still partly govern as stereotypes the understanding of these concepts in the post-Soviet Russian-language literary thought.

The confusion was that (mostly) «epopee» and «epic» were perceived as completely different concepts. Polysemy was also connected with the concepts of «epic» and the drama as a genre and class signifier.

There was no clear line of demarcation between the concepts of «literary class» and «genre», as it was not perceived and accentuated in the Soviet literary criticism. «Sources» of the confusion in the Soviet literary criticism were the German philosophers of the XIX century (Schelling, Hegel, etc.) as well as their «Russian epigones» (Belinsky).

Key terms: epos, epopee, epic class, epics, literary class, genres, types, history methodology of the humanities, history of the Soviet and post-Soviet literary science.

Reference literature (in transliteration):

Ambarcumyan Hayk. Principi i osobennosti sozdanya motivnogo ukazatelya armyanskogo eposa «David Sasunskij» [Principles and particulars of creation motif indicator of Armenian epos “David Sasunskiy”] // Armyanskij epos i vseмирное epicheskoe nasledie [Armenian world epos inheritance]. Yerevan: Nauka, 2012.

Ambarcumyan Hayk. Tipologicjeskie gruppi armyanskogo eposa «David Sasunskij»: opit sistematizacii [Typological groups of Armenian epos “David Sasunskiy” an attempt of systematization] // Epos narodow Evropi e Azii. Ot sujetnogo ukazatelya k tekstu: metodologiya i praktika sistematizacii folklornogo naslediya 5–7 noyabrya 2013 (Materiali mejdunarodnoj konferencii) [Epos of peoples of Europe and Asia. From the plot indicator to the text: methodology and practice of systematizing folk inheritance 5–7 november 2013 (Materials of international conference)]. M.: RAN IMLI im. A. M. Gor'kogo, 2013.

- Aristotle*. Sochineniya [Works in four volumes] v 4 tomax. Tom 4. M.: Misl, 1984.
- Asmus V.* Voprosi teorii estetiki (sbornik statej) [Questions of the theory of esthetics. Collected works]. M.: Iskusstvo, 1968.
- Belinskij V. G.* Polnoe sobranie sochinenij: V 13 tomax. Tom 5 [Complete set of works in 13 volumes. Volume 5]. M.: Izd-vo akademii nauk SSSR, 1954.
- Chalizev V. E.* Teorriya literature: Uchebnik. 4-e izd. isp. i dop. [Theory of literature. Study book the fourth issue]. M., 2005.
- Dal' V.* Tolkovij slovar' jivogo velikorussskogo yazika [The Explanatory dictionary of the living Great Russian Language]. M.: Russkij yazik, 1980.
- Davydova T. T., Pronin V. A.* Teorriya literatury [Theory of literature]. M.: Logos, 2003.
- Frejdenberg O. M.* Poetika syujeta i janra [Poetics of the plot and genre]. M.: Labirint, 1997.
- Hegel.* Estetika v 4-x tomax [Esthetics in four volumes]. Tom 3. M.: Nauka, 1971.
- Zhirmunskij V.* Sravnitel'noe literaturovedeniye: Wostok i Zapad [Comparative literary studies: East and West]. Leningrad: Nauka, 1979.
- Jrbashyan Eduard, Machschanyan Henrik.* Literaturovedcheskij slovar' [Literature dictionary]. Yerevan: Luys, 1972.
- Jrbashyan Eduard.* Teoriya literaturi (Posobie dlya studentov wishix uchebnik zavedenij i uchitelej literaturi) [Theory of literature]. Yerevan: Armuchpetgiz, 1961.
- Kratkaya literaturnaya enziklopediya [Short encyclopedia of literature]. T. 8. M.: Sovetskaya enziklopediya, 1975.
- Literaturnij enziklopedicheskij slovar' [Short encyclopedic dictionary] (pod red. W. M. Kojevnikova i P. A. Nikolaeva). M.: Sovetskaya enziklopediya, 1987.
- Maksimov Andrej.* Neobiknovennaya istoriya [Unusual history] // Rossijskaya gazeta, 2015, 2 noyabrya, N 247 (6818).
- Meletinskij E. M.* «Edda» i rannie formi eposa [Edda and the early form of epos]. M.: Nauka, 1968.
- Meletinskij E. M.* Proisxojdenie geroicheskogo eposa: rannie formi i archaischeskie pamyatniki [The origine of heroic epos: early forms and archaic manuscripts]. Izdanie wtoroje, ispravlennoe. M.: Izdatel'skaya firma «Wostochnaya literature», [1963] 2004.
- Mifi narodov mira: Enziklopediya w 2-x tomax / Tom 2 [Encyclopedia in 2 volumes Myth of the peoples of the world]. M.: Sovetskaya enziklopediya, 1992.
- Poetika: slovar' aktual'nix terminov i ponyatij (gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko) [Poetics: dictionary of contemporary terms and concepts]. M.: Izd-wo Kulaginoj; Intrada, 2008.
- Propp V. Ya.* Folklor i dejstvitel'nost': Izbrannie stat'yi [Folklore and reality; selected articles]. M.: Nauka, 1976.

- Schelling F.* *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. M.: Misl', 1966.
- Slovar' inostrannix slov. Izdanie 10-e stereotipnoe* [Dictionary of foreign words]. M.: Russkij yazik, 1983.
- Sovetskij enziklopedicheskij slowar' (gl. red. A. M. Prokhorov)* [Soviet encyclopedic dictionary]. M.: Sovetskaya enziklopediya, 1989.
- Teoriya literature: Osnownie prinzipi w istoricheskom osvyashenii: Rodi i janri literature* [Theory of literature: basic principles in historic coverage. Types and genre of literature]. M.: Nauka, 1964.
- Teoriya literaturi (pod red. N. D. Tamarchenko)* [Theory of literature]. T. 2. M.: Academia, 2004.
- Timofeev L. I.* *Osnovi teorii literaturi. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe* [The basics of the theory of literature]. M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe id-wo Ministerstva prosvesheniya RSFSR, 1963.
- Ushakov M. N.* *Bol'shoj tolkovij slovar' sovremennogo russkogo yazika. Tom 4* [Large explanatory dictionary of modern Russian language]. M., 1940.
- Veselovskij A. N.* *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad: Gos. izd-wo «Khudozhestvennaya literatura», 1940.
- Vvedenie v literaturovedenie (pod red. G. N. Pospelova). 3-e izd., isp. i dop.* [Introduction into studies of literature]. M.: Visshaya shkola, 1988.
- Vvedenie v literaturovedenie: Uchebnoe posobie (pod red. L. V. Chernetz)* [Introduction into studies of literature]. M.: Visshaya shkola, 2004.
- Zenkin Sergej.* *Vvedenie v literaturovedenie: Teoriya literaturi* [Introduction into studies of literature: theory of literature]. M.: Rossijskij gos. gumanit. un-t, 2000.